

**ПОНЯТИЯ ДИСКУРСА И ДИСПОЗИТИВА В КОНТЕКСТЕ
МЕДИАИССЛЕДОВАНИЙ**
CONCEPTS «DISCOURSE» AND «DISPOSITIVE» IN MEDIA STUDIES

Н. В. Майоров
N. V. Mayorov

*Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева,
Россия, г. Орёл, 302026, ул. Комсомольская, 95*

Oryol State University, 95, Komsomolskaya Str., 302026, Oryol, Russia

E-mail: lermi@rambler.ru

Ключевые слова: дискурс, диспозитив, медиа, феномен поворота.
Keywords: discourse, dispositive, mass media, turn phenomenon

Аннотация. В данной работе делается попытка реконструировать дискуссию о проблеме взаимопроникновения понятий «дискурс» и «диспозитив», которые незаменимы в деле расстановки новых акцентов в современной медийной коммуникации.

Summary. The article is an attempt to reconstruct dispute about interpenetration of concepts «discourse» and «dispositive» in mass media. This research can help to place accents in studying modern mass communication.

В исследовательской практике мы нередко встречаемся с универсальными понятиями. Они отличаются предельно междисциплинарным характером и используются в терминологическом аппарате самых разных отраслей науки. Хорошим примером тому, несомненно, понятие «дискурса».

Это связано с тем, что современные науки в целом и гуманитарные в частности обнаруживают склонность к так называемому «феномену поворота». На этом фоне концепция дискурса незаменима для научных дисциплин в деле расстановки новых акцентов в изучении языковых, социальных, политических и прочих явлений (в зависимости от темы или дисциплинарных границ соответствующего дискурса). Это приводит к большому разнообразию представленных концепций дискурса, которые могут быть систематизированы по нескольким критериям.

Во-первых, по культурно-историческому признаку. В то время как немецкоязычные концепции дискурса исходят, в частности, из работ Мишеля Фуко, в англоязычном критическом анализе дискурса наблюдается склонность, кроме всего прочего, к системно-функциональной лингвистике Майкла Холлидея [Fairclough, 1993].

Во-вторых, по интегративному признаку. Так, термин «критический анализ дискурса», который часто используется в англоязычных странах для характеристики различных подходов, подразумевает межотраслевую программу научных исследований. В свою очередь, концепция немецкого анализа дискурса, опираясь на работы Фуко, возникла и используется в рамках отдельно взятых научных дисциплин. Таким образом, сегодня параллельно сосуществуют языковые (например, дискурсивная семантика или дискурсивная лингвистика Фуко) и социально-научные (например, социологический анализ дискурса) концепции дискурса.

В-третьих, по качественному признаку. Так, представители Дуйсбургской (З. Егер) и Бохумской (Ю. Линк) школ в своей работе придерживаются критически-нормативного направления, то есть в основе их подхода лежит анализ власти и проистекающая из него критика дискурса. От этой критически-нормативной ориентации дистанцируется уже упомянутая дискурсивная лингвистика Фуко, которая по представлению ее сторонников работает в описательно-аналитическом поле, избегая оценочных суждений [Kumiega, 2012].

Но вопреки всем различиям эти эпистемологические позиции связаны стремлением постфукианского исследования дискурса к расширению поля практики [Spitzmuller, Wranke, 2011: с.77], что проявляется в признании концепции диспозитива и его введение в теоретические и методологические дискуссии. Это дает нам право реконструировать спор о понятии диспозитива и указать на его основные тенденции.

Вопреки определенному понятийному беспорядку, в творчестве Фуко имеется единый подход к определению диспозитива, представленный тремя смысловыми уровнями. На первом, так называемом «экстенциональном» уровне, диспозитив трактуется как «решительно гетерогенный ансамбль, включающий в себя обсуждения, учреждения, архитектуру, регламентирующие решения, законы, административные мероприятия, научные высказывания, философские, моральные или филантропические тезисы: произнесенное так же, пожалуй, как и невысказанное в определенной мере элементы диспозитива» [Foucault, 1978: с. 119].

Второй уровень - «интенциональный» - говорит, что «сам диспозитив - это сеть, которая может существовать между этими элементами» [Foucault, 1978: с. 119]. На этом уровне становится явным то, что указанные ранее субъекты не существуют независимо друг от друга, а сцепляются и образуют определенную структуру (в терминологии Фуко - «сеть»). Но эти соединения не следует рассматривать как простую сумму элементов. Необходимо выяснить, что послужило катализатором связи.

Таким образом, мы приходим к пониманию третьего уровня диспозитива, который может быть назван «стратегическим». Стратегия диспозитива решает, как формируется сеть. Это следует из определения диспозитива как «образования, важнейшей функцией которого в данный исторический момент оказывается ответить на некоторую неотложность» [Foucault, 1978: с. 119].

Но формирование одного диспозитива означает деформацию других, предшествующих ему, вследствие чего отчетливо выражается аспект власти. Попутно возникает вопрос, кто стоит за формированием диспозитива. Фуко в данном контексте говорит о «стратегии без основополагающих стратегов» [Foucault, 1978: с. 132]. Таким образом, можно утверждать, что под диспозитивом следует понимать властно-стратегический ансамбль дискурсивных и недискурсивных элементов.

Это определение не противоречит современной практике исследований, когда явление диспозитива стараются объяснить посредством дискурса. Отчасти, это связано с тем, что различные постфукианские подходы к анализу дискурса исходят из концепции «тотальности дискурсивного» [Buhmann, Schneier, 2008: с. 42], которая охватывает и диспозитивный анализ.

Немецкий Критик Юрген Линк выводит положения, при помощи которых пытается объяснить отношения между дискурсом и диспозитивом. Во-первых, в то время как диспозитивом подчеркивается его ограниченность, в число свойств дискурса входит «системное расширение» (в понимании дискурса как «потока знаний сквозь время») [Jager, Jager, 2007: с. 15]. Во-вторых, дискурсивные элементы диспозитива комбинируют интердискурсивность и трансдискурсивность. Интердискурсивность проявляет себя благодаря сочетанию отдельных дискурсов. А трансдискурсивность - благодаря комбинации между дискурсивными и недискурсивными элементами. В-третьих, элементы знания связываются с элементами власти. То есть диспозитив противоречит архологическому понятию дискурса «как социально-стратификационного измерения власти», в результате чего отмечается переход Фуко от «археологии знания» к «генеалогии власти» [Link, 2008: с.239].

Под иным ракурсом видят отношения между дискурсом и диспозитивом социологи Бюрманн и Шнайдер. Они, в первую очередь, задаются вопросом, «существует ли бытие вне дискурса». Ответ на этот вопрос приходит в результате принятия возможности диспозитивного конструирования реальности [Buhmann, Schneier, 2008: с. 44].

Отсутствию единого, унифицированного подхода к оценке явления сказывается на характере дискуссий в смежных областях. В частности, на вопросе о взаимоотношении дискурса с отдельными средствами массовой информации и институтом медиа в целом. В рамках данной работы выделим основополагающие концепции критического анализа дискурса Дуйсбургской школы (З. Егер) и анализа медиа-дискурса Хемницкой школы (К. Фраас, С. Мейер).

В дуйсбургской концепции, применимой к анализу различных плоскостей дискурса, важную роль играют средства массовой информации. Медиа предстают в роли арены для общественных дискуссий, на которую выносятся тематички различные дискурсы. Таким образом, СМИ способствуют производству и воспроизводству некоторых дискурсов, а, значит, использованию различных техник регулирования и нормализации [Jager, Jager, 2007: с. 73].

Основоположник направления Зигфрид Егер в своих работах указывает, что некоторые дискурсы или отдельные линии дискурса переплетаются [Jager, Jager, 2007: с. 72] не только в средствах массовой информации, но и в контексте повседневного дискурса, вызывая

при этом к жизни определенные эффекты власти. При помощи этого механизма вышеупомянутые методы регулирования и нормализации становятся очевидными.

В Хемницкой концепции, во многом копирующей положения дискурсивной лингвистики Фуко, явно говорится о медиа-дискурсе как о строительном элементе социального знания. Внимание данной исследовательской группы сосредоточено на онлайн-дискурсах. В частности, на мультимедийности, мультимодальности и интерактивности, как особых качествах информации в онлайн-среде [Fraas, Meier, 2004: с.77]. Это значит, что в сети любое сообщение обращается к таким семиотическим элементам как вербальный текст, типографика, логотипы, рисунки, выбор цвета, расположение и так далее [Fraas, Meier, 2004: с.89], которые считаются включенными в различные дискурсы. На что, например, указывает анализ визуальных элементов инсценирования [Meier, 2008].

В качестве формирующих дискурс элементов рассматриваются не только упомянутые семиотические свойства, но и разные технические характеристики сетевой коммуникации. В частности, связь трактуется как элемент дискурса, так как определенный текст конкретного адресанта с определенным коммуникативным намерением контекстуализируется в связи с другим, чуждым текстом [Fraas, Meier, 2004: с.89].

Два относительно новых дискурс-учреждающих качества - визуально-семиотические элементы и технические характеристики сетевых коммуникаций – выдвигают на передний план аспекты технических и аппаратных качеств СМИ, что задает тон дискуссии о роли диспозитива в современных медиаисследованиях [Kumiega, 2012: с.37].

М. Штауфф (в опоре на работы М. Фуко, Д. Делейца, а также Ю. Линка) выявляет различия между макродиспозитивом (то есть всеобхватывающим диспозитивом) и микродиспозитивом (то есть множеством отдельных вспомогательных диспозитивов) [Stauff, 2005: с. 118].

Транслируя на наш предмет исследования, отдельно взятый медиа-канал можно рассматривать в качестве независимого вспомогательного диспозитива (с его исключительными особенностями замкнутой структуры) или составного элемента единого всеобхватывающего диспозитива (пересекающегося с другими культурными и социальными механизмами).

В таком случае макродиспозитив нужно понимать как феномен, характеризующий почти все дискурсы и практики, которые только можно найти в культуре или обществе. Он учреждает субъекты и производит определенные эффекты власти. Очевидно, что такие макродиспозитивы (прежде всего, в век информационных технологий) могут использовать средства массовой информации в качестве канала трансляции, например, дискурсов или контрдискурсов. Эта точка зрения показывает, что средства массовой информации обусловлены не внутренней логикой, а встроены в механизмы, которые можно найти в различных социально-культурных или смежных областях практики.

В качестве примера такого макродиспозитива, проявляющегося в различных дискурсах и практиках, Юрген Линк, ссылаясь на Мишеля Фуко, указывает диспозитив нормы. Это механизм формирования правил поведения в различных социальных областях, таких как, например, медицина, культура, образование. Исследователи описывают его как основополагающий элемент контакта разных культур [Link, 2008].

Отметим, что рассмотрение макродиспозитива в рамках медиаисследований предполагает перенос исследовательского интереса с анализа средств массовой информации как носителя определенного содержания на анализ средств массовой информации «как общественных или культурно-фундаментальных механизмов восприятия» [Stauff, 2005: с. 126]. По отношению к печатным СМИ эту мысль можно выразить так: не автор текста, и даже не сам текст находится в центре внимания исследователя, а расположение отдельных элементов (например, институциональных, социальных или культурных) и в итоге - структура, которая характеризует процесс создания готового информационного продукта.

Напротив, микродиспозитив рассматривается как ограниченный комплекс нормативных и рационализаторских механизмов. Их эффективность по сравнению с макродиспозитивом незначительна и проявляется, в частности, в конкретных контекстах или определенных сферах жизни общества. В нашем случае можно спрашивать, какими вспомогательными диспозитивами пользуются отдельно взятые средства массовой информации. Линк упоминает в качестве примера математический или статистический метод (как, например, выборка или опрос) [Link, 2008].

Штауфф, в свою очередь, расширяет понятие микродиспозитива до области медиа в целом, представляя ее в роли регулируемой практики, которая с помощью различных

механизмов (в их числе периодичность выхода, независимый статус, внушительная техническая база, и, собственно, штат журналистов) систематически производит различные формы власти и знаний [Stauff, 2008: с. 120], которые усваиваются аудиторией в процессе субъективации.

В целом, краткий обзор научной практики показал, что концепции, возникающие в ходе исследования взаимоотношений дискурса и диспозитива, применимы в области изучения средств массовой информации.

В рамках различных подходов медиа конституируются, например, как отдельные элементы макродиспозитива, как инстанции, порождённые вспомогательными диспозитивами или как инстанции, производящие определённые субъективации.

Общим для всех указанных подходов является утверждение, что медиа (как и другие социальные институты) относятся к действующим специфическим стратегиям власти. В этой связи у нового поля диспозитивного анализа прослеживается широкая исследовательская перспектива в медиасфере. Особенно плодотворным в данном направлении может оказаться постулат о взаимосвязи микро- и макроуровней.

Литература

1. Bührmann A., Schneider W. Vom Diskurs zum Dispositiv. Eine Einführung in die Dispositivanalyse // Transcript. - Bielefeld. - 2008.
2. Fairclough N. Critical discourse analysis and the marketization of public discourse // Discourse & Society. - 1993. - № 4 (2). - С. 133-168.
3. Foucault M. Dispositive der Macht. Über Sexualität, Wissen und Wahrheit // Merve. - Berlin. - 1978.
4. Fraas C., Meier S. Diskursive Konstruktion kollektiven Wissens online und offline // Osnabrücker Beiträge zur Sprachtheorie. - Duisburg. - 2004. - № 68.
5. Jäger M., Jäger S. Deutungskämpfe. Theorie und Praxis Kritischer Diskursanalyse // Verlag für Sozialwissenschaften. - Wiesbaden. - 2007.
6. Kumiega L. Medien im Spannungsfeld zwischen Diskurs und Dispositiv / Dreesen P., Kumiega L., Spieß C. Mediendiskursanalyse. Diskurse – Dispositive – Medien – Macht. Wiesbaden // VS Verlag für Sozialwissenschaften. - 2012. - С. 25-26.
7. Link J. Dispositiv / Kammler C., Parr R., Schneider U. Foucault Handbuch. Leben – Werk – Wirkung // Verlag J.B. Metzler. - Stuttgart, Weimar. - 2008.
8. Link J. Dispositiv / Kammler C., Parr R., Schneider U. Foucault Handbuch. Leben – Werk – Wirkung // Verlag J.B. Metzler. - Stuttgart, Weimar. - 2008. - с. 237-242.
9. Meier S. Bild und Frame – eine diskursanalytische Perspektive auf visuelle Kommunikation und deren methodische Operationalisierung / Duszak A., House J., Kumiega L. Globalization, Discourse, Media: In a Critical Perspective // Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego. - Warszawa. - 2008. - с. 369-389.
10. Spitzmüller J., Warnke I. Diskurslinguistik. Eine Einführung in Theorien und Methoden der transtextuellen Sprachanalyse // de Gruyter. - Berlin, New York. - 2011.
11. Stauff M. Das neue Fernsehen. Machtanalyse, Gouvernementalität und digitale Medien // Lit. - Hamburg. - 2005.